УДК 351.86 DOI:10.12737/18233

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГИБРИДНЫМ И «ЦВЕТНЫМ» ТЕХНОЛОГИЯМ

ЛОБАНОВ К. Н. [1]

Автор рассматривает гибридные и «цветные» технологии в качестве одной из главных угроз национальной безопасности в современном мире. Для подтверждения своей гипотезы он раскрывает процесс разрушения структуры национальной безопасности и ее ключевых элементов - безопасности государства, общества и личности при помощи этих технологий. Рассмотрены инструментарий разрушений от «мягких» до «жестких» методов. Статья написана с использованием новейшего фактологического материала, включает критический анализ проблемы.

Ключевые слова: гибридная война, «цветная» революция, национальная безопасность, угроза и риск национальной безопасности, обеспечение национальной безопасности.

PROBLEMS OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE COURSE OF COUNTERACTION TO HYBRID AND «COLOR» TECHNOLOGIES

LOBANOV K. N. — Doctor of Political Sciences, Docent, Head of the Department of Psychology and Pedagogics, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after Putilin I.D. (Russian Federation, Belgorod),e -mail: lobanov_pol@pochta.ru

The author considers hybrid and «color» technologies as one of the main threats of national security in the modern world. To prove the hypothesis he opens the process of destruction of structure of national security and its key elements - safety of the state, the society and the personality with the help of these technologies. Are considered tools of destruction from «soft» to «hard» methods. The article is written with the use of the newest factual material, includes the critical analysis of the problem.

Keywords: hybrid war, «color» revolution, national security, threat and risk of national security, ensuring national security.

На протяжении долгого исторического времени национальная безопасность, понимаемая как защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, обеспечивающая устойчивое развитие страны, рассматривалась в качестве системообразующей характеристики государственных организмов,

Лобанов Константин Николаевич — доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России имени И. Д. Путилина, e-mail: lobanov_pol@pochta.ru

Адрес: 308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

своего рода *vena portae* государственного и общественного устройства[1]. Уже в новейшее время способность державы эффективно обеспечивать собственную национальную безопасность всеми имеющимися ресурсами и возможностями относили к ключевым критериям геополитического могущества[2]. В наши дни эти постулаты хотя и не подвергаются сомнению в своей принципиальной части, но все же не смогли избежать определенной эрозии из-за воздействия нескольких факторов. Условно эти факторы можно разделить на две группы. К первой мы отнесем влияние глобализационной доминанты мирового развития на состояние национальной государственности, ставшее особенно заметным в конце прошлого и первом десятилетии нынешнего столетия[3].

Глобализация как процесс всемирной интеграции и унификации, зародившись в информационной и финансово-экономической сферах, достаточно быстро захватил область государственных отношений и институтов. Рост влияния транснациональных субъектов хозяйственной и финансовой деятельности (ВТО, МВФ, Мировой банк, многочисленные ТНК) и развитие региональных экономических центров (Европейский союз) неизбежно вели к сокращению государственного вмешательства в экономику, а затем и частичному выводу экономических политик из-под ведения национальных юрисдикций. Утратив (хотя и не в полной мере) контроль над собственной экономикой и финансами, национальные государства ослабили свой суверенитет и в вопросах обеспечения безопасности, обороны, в сфере внешней политики, делегировав эти полномочия таким влиятельным международным организациям, как НАТО или ЕС.

Трансмиссия суверенности от национальных государств к наднациональным акторам в этих областях по сути завершает процесс формирования постсовременной государственности из государственности традиционного типа. Заметим сразу, что данная тенденция опирается большей частью на объективные основания и человеческая воля вряд ли способна кардинальным образом переломить или изменить характер ее течения.

Иной по содержанию является вторая группа факторов, так как она есть результат рукотворной и спланированной деятельности людей и политических организаций. Речь идет о сознательном подрыве основ суверенитета государств и прежде всего их способности обеспечивать безопасность общества. Эта угроза исходит от нетрадиционных акторов международных отношений, а именно определенных политических организаций («Аль-Каида», «Талибан») и квазигосударственных образований наподобие Исламского государства (ИГ), ведущих беспрецедентную кроссграничную войну в нескольких географических регионах мира. Причины, по которым эти силы стремятся подорвать безопасность государств через демонтаж традиционной для этих стран системы политической власти, ими не скрываются. Наступлению Запада, всеобщей вестернизации, насаждению чуждых ценностей и традиций нужно противопоставить радикальную (революционную) идею всемирного халифата как духовно-политического олицетворения подлинно Исламского государства, способного защитить веру и общество от инородных и вредных влияний. Светские политические режимы в мусульманских странах расцениваются радикалами как помехи на пути к их идеалам, поскольку «продались Западу», а потому и должны быть сметены. Первые итоги этой «священной очистительной войны» (джихада) вряд ли стоит комментировать, поскольку общеизвестно, что из-за действий только одного Исламского государства практически полностью была сломана государственность в Ливане, Сирии и Ираке и стоит под вопросом суверенность некоторых других стран в Магрибе и Леванте[4].

---

[1] Сытник Г.П. Государственное управление в сфере национальной безопасности. Словарь-справочник/ Под ред. Г. П. Сытника. — Киев: Русское слово, 2012. — С. 41.
[2] Spykman, N. The Geography of the Peace. - New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. — P.7.
[3] См.: например: Неклесса, А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира / Мегатренды мирового развития/ Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. - Москва: Экономика, 2001.
[4] См. подробно об ИГ: Мирский Г.И. «Драма Арабского Востока»// Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — №11 — С. 77— 78.

Поскольку идеология и политическая практика джихадистских организаций и протогосударств не являются объектом нашего внимания, ограничимся констатацией факта исключительной опасности зарождения и распространения псевдорелигиозного радикализма и его носителей для безопасности личности, общества и государства, поскольку эти категории в общепринятом понимании радикалы и экстремисты отвергают и отменяют. И здесь *tertium non datur.*

Не менее агрессивную среду национальной безопасности и суверенным правам государств, на наш взгляд, создают не столько внесистемные (по сути маргинальные) субъекты международной политики, сколько сами традиционные участники международного общения и, прежде всего, другие государства. Здесь не имеются в виду тривиальные войны и вооруженные конфликты между странами, речь идет о применении особых изощренных технологий разрушения структуры государственной власти и общества. Эти технологии известны под собирательным названием «гибридная война» (в английской транскрипции - *hybrid warfare)* и применяются уже несколько последних десятилетий по всему миру[1]. Наиболее распространенная форма ведения гибридной войны - «цветная» революция — была обкатана до совершенства на постсоветском пространстве, а сейчас работает в арабских странах[2]. Каковы же причины появления указанных технологий, кто и с какой целью применяет их? Выше мы отмечали, что причиной возникновения и агрессивного поведения джихадистских движений и организаций в отношении всего остального мира стали специфическая политизированная псевдорелигиозная философия и идеология, под лозунгами которых боевики-фанатики совершают свои действия. В нашем случае побудительным мотивом создания и приведения в действие механизма сознательного разрушения государственного суверенитета и национальной безопасности государств стала реализация не каких-либо идеологических установок, но целой геополитической доктрины и лежащего в ее основе глобального проекта. Такой доктриной является теория мирового лидерства одной сверхдержавы, а проектным выражением доктринальных идей - однополярная модель мирового устройства[3]. Заинтересованным в сохранении этой модели, а значит и глобального лидерства выступает, по сути, один субъект современных международных отношений — Соединенные Штаты Америки. На вопрос, почему США прибегают к использованию таких нетрадиционных методов борьбы за свои интересы, имеется несколько ответов. Во-первых, растущие военные потенциалы Китая и России — ближайших геополитических конкурентов США — не позволят последним вступать в открытое противостояние ни с помощью ядерных, ни обычных вооружений. Во-вторых, гибридные войны и «цветные» революции стоят намного дешевле даже самой скоротечной, но реальной войны. В-третьих, как показала практика, гибридные войны гораздо эффективнее традиционных, поскольку позволяют при минимальных затратах собственных ресурсов в короткий срок добиваться максимального результата - смены неугодных режимов власти по всему миру. В-четвертых,

[1] . Феномен гибридной войны достаточно подробно описан в работах: Hoffman, G.F. «Hybrid Warfare and Challenges»//Joint Force Quarterly/ Issue 52, 1st quarter 2009. - PP. 34-48; Bond, M.S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States// Carlisle Barracks, Pa: USAWC Strategy Research Project. U.S. Army War College, 2007. — 22 P.; McCuen, J.J. «Hybrid Wars»// Military Review/ Vol. 88, Issue 2 (March-April 2008). — PP. 107— 113.

[2] . См. подробно о «цветных» революциях: Ackerman, P. A force more powerful: a century of nonviolent conflict / Peter Ackerman, Jack Du Vall. - NY: St Martin's Press. 2000; Helvey, R.L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. - Boston: the Albert Einstein Institute, 2004; Sharp, G., Jenkins B. The Anti-Coup. - Boston: the Albert Einstein Institute, 2003; Sharp G. There Are Realistic Alternatives. - Boston: the Albert Einstein Institute, 2003; Sharp G. Waging Nonviolent Struggle. 20th Century Practice and 21st Century Potential / By Gene Sharp with the collaboration of Joshua Poulson and the assistance of Cristopher A. Miller and Hardy Merriman. - Boston: Extending Horizons Books: Porter Sargent Publishers, Inc, 2005; Гапич, А. Э., Лушников, Д. А. Технологии «цветных революций». — М.: РИОР, 2010.—132 с.; Нарочницкая, Н. А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. - М.: Алетейя, 2008. - 208 с.

[3] . Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его стратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1998. - С. 12.

применение «цветных» технологий труднее просчитать противнику, а потому они являются менее уязвимыми от действия систем национальной безопасности тех государств, против которых они применяются. В-пятых, США не хотят афишировать свою причастность к политическим переворотам в других странах и предпочитают совершать их чужими руками.

Можно и дальше приводить аргументы американской стороны в пользу применения новейших военно-политических технологий в борьбе за мировое лидерство и ресурсы, либо описывать их. Вместе с тем, на наш взгляд, гораздо интереснее было бы заглянуть во «внутреннюю механику» этого процесса, изучить, как с помощью «цветных» революций разрушается *basis fundamentum* государства - структура его безопасности.

Гибридные и «цветные» технологии, объединившие под своим началом практически весь инструментарий подрывной деятельности, угрожают ключевым компонентам национальной безопасности — государственной, общественной и безопасности личности.

Состояние *государственной безопасности* характеризуется, как известно, уровнем защищенности страны от внешних и внутренних угроз. За поддержание этого уровня на надлежащей высоте отвечают вооруженные силы, органы разведки и контрразведки, органы безопасности, правоохранительные органы. Как утверждают американские специалисты по военной стратегии и геополитике, в странах, назначенных жертвами «цветных» революций, данные структуры должны быть парализованы в первую очередь[1]. Известный «технолог» государственных переворотов Э. Люттвак еще в 1968 г. отмечал, что такой переворот «…может происходить вне правительства, но внутри государственной машины, которую образует постоянная и профессиональная государственная служба, вооруженные силы и оппозиция. Цель такого переворота - разобщить постоянных госслужащих и политическое руководство»[2]. Для получения данного результата ведется активный и целенаправленный поиск сторонников смены режима политической власти в силовых структурах и армии. Эта задача может быть решена разными способами: прямой вербовкой отдельных важных представителей государственных структур (на Украине в преддверии второй «оранжевой» революции спецслужбами Запада было завербовано практические все высшее руководство вооруженных сил и органов госбезопасности), использованием межклановых противоречий внутри национальной элиты (в Ливии был искусственно раздут конфликт между верхушкой племен, занимавшей ключевые посты в госаппарате, и кланом Каддафи), провоцированием межконфессионального раскола в правящем классе (в Бахрейне активно подогревалось недовольство шиитского большинства монополизацией власти суннитской королевской семьей аль-Халифа), стремлением разорвать государственные органы власти и управления по национальному признаку и таким образом обессилить их (в Македонии неоднократно предпринимаются попытки воздействовать на госслужащих-албанцев с целью склонить их к саботажу решений центральной власти). Выращивание «агентов влияния» в системе органов власти может осуществляться другими, более прозаическими методами, например, с помощью подкупа (в Ираке бóльшая часть офицерского корпуса отказалась выполнять приказы С. Хуссейна из-за соображений материальной выгоды, а позже по той же причине ушла в ряды Исламского государства), а также посредством использования инструментов «мягкого воздействия» (в Грузии и на Украине многие «силовики» и гражданские служащие проходили переподготовку в учебных центрах и образовательных учреждениях США и Западной Европы).

После того, как оппозиционеров в госаппарате становится достаточно, из их числа формируется «пятая колонна» — организованная группа внутренних противников режима,

[1] См.: Люттвак Э.Н. Государственный переворот. Практическое пособие. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 317 с.
[2] Люттвак Э. Н. Указ. соч. — С. 20.

осуществляющих по указанию извне планы по дезорганизации работы институтов власти и прежде всего тех, что обеспечивают защиту государственного строя. Лишившись надежной опоры в силовых структурах, политическое руководство страны становится практически беззащитным перед лицом массовидных оппозиционных движений, специально создаваемых и финансируемых из-за рубежа для расшатывания и опрокидывания власти («Порá» — в Азербайджане, «Правый сектор» — на Украине, «Кхмара» — в Грузии, «Кел-Кел» — в Киргизии, «Отпор» — в Сербии, «Малады Фронт» - в Беларуси и т.д.)[1]. Эти движения при помощи новых информационных технологий (Интернет, телефония, социальные сети) способны в считанные дни собрать большие группы недовольного властью населения, вывести их на антирежимные демонстрации и марши протеста, управлять ими через команды своих координаторов[2]. В результате, когда дело доходит до прямого столкновения между оппозицией, усиленной народными массами, и политическим режимом, ослабленным внутренними разногласиями, ситуация, как правило, складывается не в пользу последнего. Наглядный тому пример — «майданная» революция на Украине. С ноября 2013 г. по январь 2014 г. действия там развивались вяло и противоречия по линии «власть—оппозиция» не разрешались никак. Быстрый перелом наступил, когда «пятая колонна» в западных областях страны заявила о неподчинении местных государственных администраций киевской власти и попутно санкционировала разграбление воинских складов и отделений милиции. В результате оружие хлынуло на Майдан, где события дальше пошли по всем хорошо известному сценарию, а по всей стране начались вооруженные мятежи. Зона управляемости центральной власти резко сократилась, а вскоре не стало и самой власти[3]. С другой стороны, имеются и иные примеры. Если политическому режиму удается в кризисное время обеспечить собственную устойчивость, в том числе и за счет сохранения работоспособности государственного аппарата и силовых структур, внутренним и внешним противникам приходится отступить. Так, окончились неудачей «васильковая» революция в Беларуси (2006 г.), «болотная» революция в России (2013 г.), «революция зонтиков» в Гонконге/Китае (2014 г.), «революция розеток» в Армении (2015 г.). Наиболее же сложной с точки зрения исхода противостояния выглядит ситуация в тех странах-жертвах «цветных» переворотов, где деструктивные силы еще не настолько сильны, чтобы сломить сопротивление власти, а структуры государства из-за отсутствия внутреннего единства и дефицита воли не могут справиться с оппозицией. Такая борьба происходит сейчас в Сирии и Ираке. Она грозит затянуться на долгие годы и будет нести неисчислимые беды этим странам и народам[4]. Таким образом, многочисленные примеры доказывают, что одним из решающих факторов обеспечения государственной безопасности остается состояние системы государственной власти, а устойчивость такой системы к социальным стрессам и способность эффективно функционировать в режиме кризисного управления — является серьезным препятствием для «цветных» технологий. Утрата же государством таких характеристик и способностей равнозначна потере суверенитета и скатыванию общества в рукотворный хаос.

[1] Финансовые ресурсы на поддержку оппозиционных движений в странах Восточной Европы в основном поступали через американский фонд «Поддержки демократии в Восточной Европе» (Support for East European Democracy - SEED). Расходы фонда - часть бюджета госдепартамента США. Общие финансовые поступления через фонд только в Сербию накануне «бульдозерной» революции (2000 г.) составили 94,6 млн долл. На организацию «майданного» мятежа на Украине (2014 г.) через каналы SEED было направлено не менее 5 млрд долл.

[2] Пономарева Е. Г. «Секреты «цветных революций»//Свободная мысль. — 2012. — № 3-4. — С. 55.

[3] См. подробно о «майданной» революции на Украине, например: Бышок, С. О., Кочетков, А. В. Евромайдан имени Степана Бандеры: От демократии к диктатуре. - М.: Издательство «Книжный мир»; ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. - 432 с.

[4] Общее число жертв гражданской войны в Сирии по состоянию на июнь 2015 г. превысило 230 тыс. чел. В Ираке за восемь лет междоусобицы с участием войск США и НАТО - погибло более 162 тыс. чел. мирного населения этой страны.

Наряду с государственной безопасностью «цветные» революции являются серьезным испытанием для *безопасности общества*, характеризующей защищенность интересов социума - экономического и социального укладов его жизни, достояния и собственности, институтов и организаций, национальных обычаев и традиций, среды жизнедеятельности - от внешних и внутренних угроз. Поскольку сфера общественной безопасности более обширна и многоаспектна, чем у безопасности государства, то и воздействие на состояние этой среды со стороны внешних интересантов становится более разносторонним. Оно будет сочетать приемы подрыва экономических, финансовых, правовых, социокультурных основ общественного устройства страны. Можно сказать, что именно в противодействии общественной безопасности наиболее отчетливо проявляется гибридный характер «цветных» технологий.

Сам инструментарий разрушения тоже довольно обширный - он разнится от «мягких» до «жестких» методов. Так, например, хозяйственная и финансовая системы могут подвергаться постепенной эрозии путем внедрения чужеродной и губительной для данной страны модели экономических отношений. Во многих арабских государствах, переживших «цветные» революции в 2010—2014 г.г., активно реализовывалась неолиберальная модель развития, вытеснявшая традиционную для этих стран государственную экономику[1]. После кратковременного эффекта (рост ВВП от 3 до 5% в год), который национальные экономики получили от либерализации внешней торговли, свободного движения капиталов, предоставления займов и кредитов международных финансовых институтов, началась длительная и болезненная стагнация, вызванная издержками неолиберального реформирования. Главная проблема заключалась в том, что для основной массы населения арабских стран экономические преобразования обернулись обострением социальных бед - безработицы, бедности, разрыва в доходах. Российский исследователь Е. Г. Пономарева приводит такие данные. Накануне «революций» безработица в Алжире и Египте составляла около 10 %, Тунисе — 14, Бахрейне — 15, Иордании — 13, в Ливии — 30 %. Кроме того, в этих странах значительная часть населения проживает за чертой бедности. В Алжире этот показатель составлял 23 % населения, в Египте — 20, в Иордании — 14,2 %[2]. Не трудно понять, что при таком грузе социальных проблем разбалансированию подвергается не только экономика, но и весь механизм общественного развития. Так, например, хорошо известно, что если подавляющее большинство безработных составляет молодежь в возрасте 15— 25 лет, и эта доля приближается к 20 %, то при прочих равных условиях в стране начинаются социальные потрясения[3]. А в указанных странах как раз основная масса безработных и деклассированных — это молодое население. Используя экономические трудности и бедственное положение этой обездоленной и очень активной части народа, можно легко извне направить ее недовольство против политической системы. Таким образом, новая модель экономического развития, заимствованная местными элитами добровольно или навязанная им извне, при определенных условиях вполне может быть приспособлена для дестабилизации положения в странах с неугодными для глобального лидера политическими режимами.

В случае, если такой сценарий не вполне оправдывает себя, «технологи» государственных переворотов могут применить форсированные и, следовательно, более «жесткие» способы удушения нежелательной власти. К их числу относятся экономико-финансовые санкции и эмбарго. В зависимости от ситуации введение этих мер может преследовать различные цели: а) *осложнить*

[1] .Например: Ливия лишь относительно недавно признала частную собственность на факторы производства, а в Сирии и Иордании существуют довольно жесткие правила функционирования рыночных механизмов.
[2] . Пономарева, Г. Е. Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов, URL:http://ekklezia.ru›blogi/4702…tehnologii…ponomaryova. pdf. html, (дата обращения: 04.08.2015).
[3] См. демографически-структурную теорию революции в публ.: Голдстоун, Дж. «К теории революции четвертого поколения»// Логос. - 2006. - №5. - СС. 58-103.

положение страны на финансовых рынках и в системе мировой торговли. Так, например, США инициировали отключение Ирана от международной межбанковской системы *SWIFT,* что сделало невозможным ведение банками долларовых операций за рубежом. Попутно на Иран было наложено нефтяное эмбарго, больно ударившее по бюджету страны и исключившее республику из числа ведущих мировых экспортеров сырья; б) *подорвать экономическое могущество и политическое единство правящей элиты.* Экономические и финансовые санкции Запада против России и Беларуси направлены скорее против лидеров этих стран и их «команд». Они носят точечный характер и подразумевают международную изоляцию крупных промышленников и банкиров, связанных с политической властью[1]; *в) резко ухудшить среду жизнедеятельности населения.* Обычно США с помощью механизмов ООН добиваются полного прекращения международной торговли с конкретной страной (Сирия, Ирак, Ливия), в результате чего искусственно создается продовольственный голод и дефицит жизненно необходимых товаров для большинства народа.

В итоге санкции (независимо от их содержания и адресности) катализируют рост антирежимных настроений в стране и как бы подталкивают людей, направляемых оппозицией, к более решительным (нередко противозаконным) действиям в отношении власти[2]. Здесь важно отметить то обстоятельство, что в ходе «цветных» революций все события развиваются динамично и момент перехода от мирного протеста к вооруженному сопротивлению наступает очень скоро. И в этот момент безопасность общества оказывается перед лицом, пожалуй, самой главной угрозы своему существованию — угрозы уничтожения общественного порядка. От начала времен людские коллективы вырабатывали определенные социальные нормы общежития, которые потом закреплялись в религии, морали, праве. Эти нормы регулировали отношения людей друг с другом, с различными общественными институтами и, наконец, с государственной властью, определяя меру дозволенного и недозволенного, т. е. вносили определенный порядок в их взаимные связи. Творцы «цветных» революций пытаются разрушить эти связи, а порядок заменить хаосом и анархией. Ведь в ситуации, когда происходит неповиновение властям и вспыхивают массовые беспорядки, когда перестает действовать закон и повсюду бесчинствует криминалитет, когда психика людей перегружена и не работают мораль и вера, гораздо проще реализовывать свою главную программу — свергать неугодный режим. Именно такая опасная ситуация возникла на Украине во время последнего по времени «цветного» переворота. Президент В. Янукович не решился вовремя задействовать имеющиеся в его распоряжении силы и средства для поддержания общественного порядка и допустил расползание «майданной» охлократии по всей стране, чем в итоге оказал существенную помощь оппозиции в осуществлении государственного переворота. Контрастом по отношению к Украине выглядят действия китайских властей в Гонконге в 2014 г. и властей Армении в Ереване в 2015 г. Политическое руководство и силовые структуры этих стран молниеносно отреагировали на попытки внутренней оппозиции и внешних сил осуществить очередной «цветной» сценарий и в корне пресекали любую противоправную деятельность. В результате конфликты были локализованы и впоследствии разрешились без значительных эксцессов реформистскими методами.

[1]США и их ближайшие союзники пытаются также максимально ослабить ведущие экспортные отрасли Российской Федерации - нефтегазовую и ВПК и вводят в отношении них санкции. Общий перспективный ущерб РФ от санкций Международный валютный фонд оценивает в 9% ВВП.

[2] Экономические санкции, впрочем, могут иметь и обратный эффект. Такие меры могут способствовать консолидации власти и населения перед лицом внешней опасности (Иран, Россия, Беларусь), стимулировать осуществление необходимых структурных изменений в экономике и социальной сфере (Россия), подтолкнуть к диверсификации международных связей и отношений (Россия, Китай).

Таким образом, мы видим, что стабильность системы общественных отношений зависит от множества факторов, среди которых на первое место мы поставим способность национальной экономики и социальной сферы обеспечивать нормальное функционирование и защиту социума от угроз невоенного характера. В случае разбалансирования экономико-социальных устоев общества под влиянием внешних или внутренних причин исключительное значение имеет поддержание общественного порядка силами государства. При этом правоохранительные органы должны быть наделены всеми законными полномочиями для недопущения роста удельного веса преступлений и правонарушений, влияющих на состояние безопасности общества в целом и отдельных граждан в частности.

Оценивая угрозы государственной и общественной безопасности, которые таят в себе «цветные» революции, мы не можем не замечать, что при срабатывании подобных сценариев в равной степени затрагивается и *безопасность личности*. В литературе феномен безопасности личности описывается как состояние человека, при котором действие внешних и внутренних факторов не приводит к плохому состоянию, ухудшению функционирования и развития организма, сознания, психики и человека в целом и не препятствует достижению определенных желательных для человека целей[1]. Следуя от обратного, можно с уверенностью констатировать, что «цветные» технологии как совокупность агрессивных, противостоящих нормальному физическому и психологическому бытию индивида факторов, заключают в себе вред (ущерб) такому бытию, поскольку предполагают сознательное лишение или угрозу лишения жизни людей, деструкцию сознания и давление на психику.

О том, что гибридные войны и «цветные» революции сочетают в себе различные формы вооруженного и невооруженного насилия и поэтому опасны для жизни человека, мы уже упоминали. В ходе военных интервенций, дистанционных бомбардировок, массовых беспорядков, разгула преступности, диверсий, провокаций, убийств лидеров, экономических эмбарго и продовольственного голода, которыми сопровождаются технологии уничтожения государственного суверенитета и самодостаточных общественных систем, гибнет масса людей, а у значительного их числа существенно ухудшаются условия жизнедеятельности[2]. Примечательно, что для создателей рукотворного хаоса количество человеческих жертв и мера людских страданий — понятия несущественные. Для них - это побочный эффект, неизбежные издержки «необходимых и давно назревших преобразований» в той или иной стране. В таком благородном деле, как «демократическая» революция, скорее даже приветствуется известный иезуитский принцип «*peius, in melius»,* поскольку нарастающее число жертв облегчает задачу демонтажа прежней власти[3]. Цинизм, с которым технологи «цветных» переворотов играют жизнями и интересами сотен тысяч и миллионов людей, мог бы поразить любого нормального человека, но только не их самих. И это понятно, ведь гибели и опасности подвергаются не собственные граждане, а какие-то там «туземцы», которые и так должны быть благодарны за свою свободу.

Приходится признать, что во многих странах, переживших государственные перевороты последнего времени, значительная часть населения оказалась малочувствительной к обилию

[1]Заплатинський В. М. «Логіко-детермінантні підходи до розуміння поняття «Безпека»// Вісник Камянець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Фізичне виховання, спорт і здоровя людини. - Випуск 5. — 2012. — С. 91.

[2]См.: Лобанов К. Н. К вопросу о конфликтогенном содержании террористической деятельности в фазе зарождения межгосударственных противоречий (исторический и современный анализ ситуации)//Национални интерес. — 2014. . — №2. — С. 224.

[3]В ходе «майданной» революции на Украине с 19 по 21 февраля 2014 г. от рук неустановленных провокаторов (снайперов) погибло 77 гражданских лиц (т.н. «небесная сотня») и 12 правоохранителей. Массовое преднамеренное убийство людей было использовано организаторами евромайдана для «ускорения» процесса осуществления государственного переворота.

жертв этих катаклизмов. Более того, массы людей охотно продолжали поддерживать деструктивную оппозицию и, несмотря на опасность, оказывали ей поддержку в противостоянии с властью. Такой «союз» можно объяснить лишь одним обстоятельством - задолго до площадных протестов «цветная» революция уже совершилась в умах. Сознание людей было перекодировано в нужном направлении, и они стали поступать в соответствии с новыми стереотипами и образцами поведения. Например, если человек ранее разделял принципы гражданственности, государственности, патриотизма и руководствовался ими в жизни, то теперь из него делают недовольного существующими порядками и вооружают идеями протеста, диссидентства, фрондерства, предательства. Производится перекодировка массового сознания с помощью различных инструментов: средств информации и коммуникации, институтов образования и просвещения, целенаправленной агитации и пропаганды, и управляется извне руками местных «агентов влияния». Иными словами, включается еще один компонент гибридных технологий - психологическая война. Такая война более пятидесяти лет велась Соединенными Штатами против СССР и ставила своей главной задачей подавление психологической способности и готовности противника к сопротивлению в случае военного конфликта[1]. Устроители «цветных» перемен в полной мере восприняли приемы психологической войны и при помощи современных информационно-коммуникационных технологий даже усовершенствовали их. Так, используя Интернет и социальные сети, можно в режиме он-лайн транслировать свой идеологический материал и заниматься «промывкой мозгов» огромной аудитории[2]. Позже с помощью того же компьютера - уже управлять зомбированной частью аудитории и, применяя нехитрые технологии сетевого маркетинга, за короткие сроки собирать людей в мобильные группы, чтобы затем по командам координаторов (так называемых «маяков») выводить эти группы на организованный протест. На каждом из этих этапов психологической обработки осуществляется активное насилие над внутренним миром человека: подавляется способность критически размышлять и анализировать события, затормаживается механизм управления и контроля над собственными действиями, отключаются врожденные рефлексы самосохранения. В таком состоянии люди легко превращаются в объект манипулирования со стороны, и в этом, на наш взгляд, заключается главная угроза безопасности личности, а вместе с ней безопасности общества и государства. И здесь роль человеческого фактора в «цветных» революциях нельзя недооценивать. Исход борьбы за умонастроения, за внутренний мир человека во многом определяет возможность или невозможность осуществления таких сценариев в конкретной стране.

В заключение подытожим все сказанное:

— гибридные и «цветные» технологии представляют собой комплекс мер давления на независимые государства со стороны глобального лидера с целью устранения преград на пути сохранения и упрочения однополярной модели мирового устройства;

— указанные технологии направлены на разрушение основ суверенности национальных государств;

— особенно деструктивному воздействию подвергаются защитный каркас суверенности - система национальной безопасности и ее основные структурные сегменты - безопасность государства, общества, личности;

[1]В одном из американских планов агрессии против СССР «Dropshot» (1949 г.) содержится детальное описание технологии ведения психологической войны. См. подробно в кн.: Яковлев, Н. Н. ЦРУ против СССР.— М.: Правда, 1983. — 320 с.

[2]Уже после так называемой «арабской весны» аналитики изучили последние по времени международные договоры США со странами Магриба и Леванта, и обнаружили присутствие во всех из них без исключения одного условия — не отключать пользователей от социальных сетей и Интернета.

— в сегменте государственной безопасности угрозы фиксируются в зоне работы государственного аппарата, несущего ответственность за обеспечение политической и военной независимости нации;

— в сегменте общественной безопасности основными объектами угрозы становятся хозяйственно-финансовая система и общественный порядок, служащие базисными основаниями социального строя и социальной стабильности;

— в сегменте безопасности личности рискам подвергается физическое и психическое здоровье, являющееся важнейшим условием гражданского состояния человека;

— для нейтрализации угроз и рисков, исходящих от гибридных и «цветных» технологий, необходимо выстраивать и поддерживать в активном состоянии систему обеспечения национальной безопасности - комплекса политических, экономических, социальных, здравоохранительных, военных и правовых мероприятий, гарантирующих нормальную жизнедеятельность нации, ее защищенность от внешней и внутренней агрессии.

Библиография/References:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его стратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1998.
2. Гапич А. Э., Лушников Д. А. Технологии «цветных революций». – М.: РИОР, 2010. – 132 с.
3. Лобанов К. Н. К вопросу о конфликтогенном содержании террористической деятельности в фазе зарождения межгосударственных противоречий (исторический и современный анализ ситуации) // Национальный интерес. – 2014. – №2.
4. Люттвак Э. Н. Государственный переворот. Практическое пособие. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 317 с.
5. Нарочницкая Н. А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. – М.: Алетейя, 2008. – 208 с.
6. Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов. – URL:http://ekklezia.ru/blogi/4702…tehnologii…ponomaryova. pdf. html, (дата обращения: 04.08.2015).
7. Пономарева Е. Г. «Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. – 2012. – № 3-4.
8. Сытник Г.П. Государственное управление в сфере национальной безопасности. Словарь-справочник / Под ред. Г. П. Сытника. – Киев: Русское слово, 2012.
9. Ackerman, P. A force more powerful: a century of nonviolent conflict / Peter Ackerman, Jack Du Vall. - NY: St Martin's Press. 2000.
10. Bond, M.S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States// Carlisle Barracks, Pa: USAWC Strategy Research Project. U.S. Army War College, 2007. – 22 P.
11. Helvey, R.L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. – Boston: the Albert Einstein Institute, 2004.
12. Hoffman, G.F. «Hybrid Warfare and Challenges»//Joint Force Quarterly/ Issue 52, 1st quarter 2009. - PP. 34-48.
13. McCuen, J.J. «Hybrid Wars»// Military Review/ Vol. 88, Issue 2 (March-April 2008). – PP. 107 – 113.
14. Sharp, G., Jenkins B. The Anti-Coup. - Boston: the Albert Einstein Institute, 2003.
15. Sharp G. There Are Realistic Alternatives. – Boston: the Albert Einstein Institute, 2003.
16. Spykman, N. The Geography of the Peace. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.

1. Bzhezinskii, Z. (1998) Velikaia shakhmatnaia doska: gospodstvo Ameriki i ego strategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and its strategic imperatives]. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russ.)

2. Gapich, A. E., Lushnikov, D. A. (2010) Tekhnologii «tsvetnykh revoliutsii» [«Color revolutions» Technology]. – M.: RIOR. – 132 p. (In Russ.)

3. Lobanov, K. N. (2014) K voprosu o konfliktogennom soderzhanii terroristicheskoi deiatel'nosti v faze zarozhdeniia mezhgosudarstvennykh protivorechii (istoricheskii i sovremennyi analiz situatsii) [On the issue of contentious contents of terrorist activities in the inception phase of inter-state conflicts (historical and contemporary analysis of the situation)] // Natsional'nyi interes. – №2. (In Russ.)

4. Liuttvak, E. N. (2012) Gosudarstvennyi perevorot. Prakticheskoe posobie [The coup d'etat. A Practical guide]. – M.: Universitet Dmitriia Pozharskogo. – 317 p. (In Russ.)

5. Narochnitskaia, N. A. (2008) Oranzhevye seti: ot Belgrada do Bishkeka [Orange networks: from Belgrade to Bishkek]. – M.: Aleteiia. – 208 p. (In Russ.)

6. Ponomareva, E. G. Sekrety «tsvetnykh revoliutsii»: Sovremennye tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov [Secrets of "color revolutions": Modern technologies of political regime change]. – URL:http://ekklezia.ru/blogi/4702…tehnologii…ponomaryova. pdf. html, (data obrashcheniia: 04.08.2015). (In Russ.)

7. Ponomareva, E. G. (2012) «Sekrety «tsvetnykh revoliutsii» [Secrets of "color revolutions"] // Svobodnaia mysl'. – № 3-4. (In Russ.)

8. Sytnik, G.P. (2012) Gosudarstvennoe upravlenie v sfere natsional'noi bezopasnosti [State management in the field of national security]. Slovar'-spravochnik / Pod red. G. P. Sytnika. – Kiev: Russkoe slovo. (In Russ.)